

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “POLITICAL SCIENCES”

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) / 5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS,
PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2024. Т. 49. С. 7–21

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 32.316

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.7>

**Динамика социально-демографических характеристик
глав исполнительной власти в субъектах Российской
Федерации на рубеже XX–XXI вв.**

О. В. Меженина*

Барнаулский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется динамика социально-демографических характеристик глав исполнительной власти субъектов РФ. Затронуты такие вопросы, как половозрастная структура, место рождения, специфика образования, наличие ученых степеней, партийная принадлежность, а также сфера деятельности глав исполнительной власти субъектов РФ на протяжении жизненного пути и в момент вступления на пост. Используемая методика позволяет зафиксировать социально-демографические характеристики региональных руководителей. Сравниваются показатели за 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. Определен основной канал и механизм рекрутирования региональной политико-административной элиты. Отмечено, что важным каналом рекрутирования становятся органы исполнительной власти, значительную роль в отборе региональной элиты играет партийная принадлежность. Выделено три периода в процессе трансформации в составе глав исполнительной власти в субъектах РФ и три группы лидеров регионов. Делается вывод: за этот период изменился социально-демографический портрет регионального руководителя, произошли существенные сдвиги в образовательном и профессиональном статусе, возрастном составе, партийной принадлежности. Современный глава исполнительной власти в субъекте РФ отчасти становится похож на политических региональных лидеров советской эпохи. При этом увеличивается количество представителей регионального бизнеса в списке российских глав субъектов РФ.

Ключевые слова: губернатор, образование, профессия, выборы, возраст, Российская Федерация, исполнительная власть, элита.

Для цитирования: Меженина О. В. Динамика социально-демографических характеристик глав исполнительной власти в субъектах Российской Федерации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 7–21. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.7>

Dynamics of Socio-Demographic Characteristics of Chief Executives in the Subjects of the Russian Federation

O. V. Mezhenina*

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article analyses dynamics of socio-demographic characteristics of chief executives in the subjects of the Russian Federation. It touches upon the following characteristics of chief executives like their age and gender, educational background, degrees, party affiliation, as well as their activities throughout life and at the time of accession to power. The methodology offered by the author of the article traces the socio-demographic characteristics of regional leaders. The author compares the statistics of 1995, 2000, 2005, 2010 and 2015. The article describes the channel and mechanism of recruiting regional political and administrative elite. Executive authorities are becoming an important channel for restructuring. Party affiliation plays a significant role in the selection of the regional elite. Three periods have been identified in the process of transformation in the composition of the heads of executive power in the constituent entities of the Russian Federation and three groups of regional leaders. The conclusion is that over the past 20 years the socio-demographic portrait of a regional leader has changed, mostly in educational and professional statuses, age, party affiliation. Modern Russian chief executives somewhat remind of regional political leaders of the Soviet Union. At the same time, the number of representatives of regional business in the list of Russian heads of constituent entities of the Russian Federation is increasing.

Keywords: governor, education, occupation, elections, age, subject of the Russian Federation, executive branch of power, elite.

For citation: Mezhenina O.V. Dynamics of Socio-Demographic Characteristics of Chief Executives in the Subjects of the Russian Federation. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 49, pp. 7-21. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.7> (in Russian)

Постановка проблемы

Роль российской элиты в создании и модернизации современного государства и общества обусловлена вековыми историческими традициями. В условиях распада Советского Союза и создания нового Российского государства на демократической федеративной основе вновь актуализируется проблема преемственности власти и формирования современной политико-административной элиты страны. К ней относятся представители не только федерального, но и регионального уровня – главы исполнительной власти субъектов РФ.

В условиях неразвитости гражданского общества и слабости федеральных политических институтов в 1990-е гг. региональные власти оказывали большое влияние на содержание и темпы проведения структурных реформ. Возвращение выборности глав исполнительной власти в субъектах РФ способствует увеличению их роли в политическом процессе. Потенциал региональных политико-административных элит представляет собой один из важнейших показателей состояния общества и перспектив его развития.

Последние двадцать пять лет в отечественной науке наблюдался подъем в изучении политической элиты в историческом и политико-социологическом аспектах [3; 5, 11; 13]. На современном этапе региональная элита рассматривается достаточно широко (под углом зрения находятся исследования осо-

бенностей различных сегментов элит – экономической, административной, парламентской), поэтому изучение механизма формирования отдельно региональной политико-административной элиты нуждается в расширении эмпирической базы [6].

Целью нашего исследования было выявление особенностей и каналов рекрутирования региональной политико-административной элиты, формирование портрета российского регионального руководителя на разных этапах существования Российской Федерации.

Глав исполнительной власти субъектов РФ мы рассматриваем как часть политической элиты с позиции статусно-функционального подхода, который доминирует в отечественной науке, но при этом подвергается аргументированной критике [10; 14]. Критерием принадлежности руководителей региональной власти к элитному корпусу является их влияние на процесс принятия политических решений. Важно и уточнение хронологических рамок, так как понятие «современность» по отношению к Российскому государству не имеет точного определения [15, с. 35]. Исследование затрагивает временной промежуток 1995–2017 гг. В 1995 г. был в целом сформирован новый губернаторский корпус на основе выборной процедуры. В начале проводимого исследования был выбран пятилетний цикл – 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. Нам представляется, что в эти годы имела место некоторая трансформация политической системы, что не могло не влиять на облик региональной элиты. Был проведен также сбор данных в отношении состава региональных руководителей 2017 г., так как благодаря выборной процедуре активное обновление руководства регионов происходило в период 2015–2017 гг.

Учитывая, что исторический срез охватывает более 20 лет, нами была выдвинута гипотеза о том, что процесс рекрутирования региональной элиты в исполнительной власти в годы начального формирования и современного развития Российской Федерации имел свои особенности, учитывая определенные изменения в политической системе за эти годы. Кроме того, мы предположили, что в процессах отбора региональной элиты возможно существуют устойчивые закономерности ввиду некоторых неизменных политико-культурных особенностей нашего политического пространства.

Исследование проводилось с использованием структурно-биографического анализа как основного метода. Биографические данные были получены из разных источников [9; 12]. Так, информация на 1995, 2000 гг. была подчерпнута из биографических справочников, а для анализа последних 15 лет кроме опубликованных работ использовались данные ряда официальных и неофициальных сайтов¹. Исходя из характера проводимой научной работы, мы ограничились использованием квотной выборки, ее критериями выступили возраст, место рождения, образование, профессия и род деятельности, а также партийная принадлежность. Объем выборки на каждый год составил 83–89 человек, т. е. в зависимости от численности субъектов Федерации в России на конкретный год. Следует уточнить, что используемые нами источни-

¹ Губернаторы.ру. URL: <http://www.governors.ru/?regmode=fio&razdel=main> (дата обращения: 25.04.2024); Кто есть кто в России. URL: http://www.wiw-rf.ru/members/person_33567.html (дата обращения: 25.04.2024).

ки несовершенно, так как в них публикуют стандартные данные (возраст, профессия и т. д.), а вот такая информация как личные связи, доступ к ресурсам власти нам не доступны.

Место рождения и половозрастной состав. Подавляющее большинство глав регионов образца 1995 г. были выходцами из сельской местности (68,5 %), что соответствовало в целом портрету советского номенклатурного работника (рис. 1). Однако в последующем число «сельчан» начинает сокращаться и в итоге к 2015 г. мы уже наблюдаем иную картину, когда доминируют среди губернаторов уроженцы городской местности. Причина тому – значительный урбанизационный процесс, начавшийся в СССР в 1970-е гг.

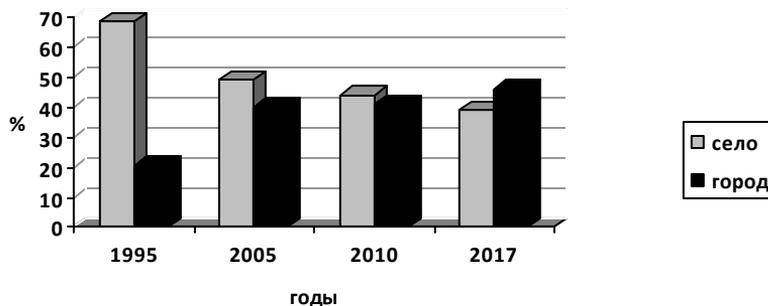

Рис. 1. Место рождения глав исполнительной власти субъектов РФ, %

Среди «горожан» заметна незначительная доля тех, кто родился в Москве и Санкт-Петербурге, причем «москвичей» среди них больше. Самый высокий процент рожденных в столице региональных лидеров зафиксирован в 2010 г. (9,4 %), в годы президентства Д. А. Медведева (появилось два главы региона питерского происхождения). Известный тезис об усилении в российской политической элите «путинской России» «питерцев» в отношении губернаторского корпуса, по нашим данным, не подтверждается [4, с. 72–74]. Так, в составе губернаторского корпуса образца 2015 г. только два губернатора родились в Ленинграде. Условно к этой группе можно еще отнести восемь человек, которые родились не в северной столице, однако именно здесь они получали свое первое вузовское образование, что в некоторой степени стало их стартовой позицией в карьере. Губернатор республики Карелия А. О. Парфенчиков учился с Д. А. Медведевым, а с 2016 г. губернатором Кировской области стал И. В. Васильев, который некоторое время служил с В. В. Путиным. При этом для части из них питерское образование никак не указывает на близость к федеральной властвующей элите. Например, губернатор Орловской области В. В. Потомский – член КПРФ.

Немало в губернаторском корпусе было выходцев из республик бывшего Советского Союза (в 1995 г. – 6,7 %, в 2005 г. – 17 %, в 2015 г. – 8 %). Половина глав исполнительной власти субъектов Федерации возглавляла регион, в котором зафиксирован факт их рождения. Таким образом, большинство глав регионов «нестолничного» происхождения, а это значит, что каналы вертикальной мобильности для жителей провинциальных городов в целом открыты.

Доминировали в губернаторском корпусе мужчины. В целом за весь рассматриваемый период максимальное число представительниц прекрасного пола среди руководителей регионов было не более 4 человек. Были периоды в нашей новейшей истории, когда среди рассматриваемых лиц их не было вовсе (например, список 2000 г.). Подобная картина прямо противоположна тенденциям в законодательной власти, где наблюдался рост числа депутатов-женщин [8, с. 68].

Возрастная структура глав субъектов Федерации выглядит следующим образом (рис. 2). Разброс возрастных значений достаточно широк: от 30 (А. А. Алиханов, Калининградская область, 2017 г.) до 73 лет (в 2017 г. – 5 глав регионов, лидер в этом списке – губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев).

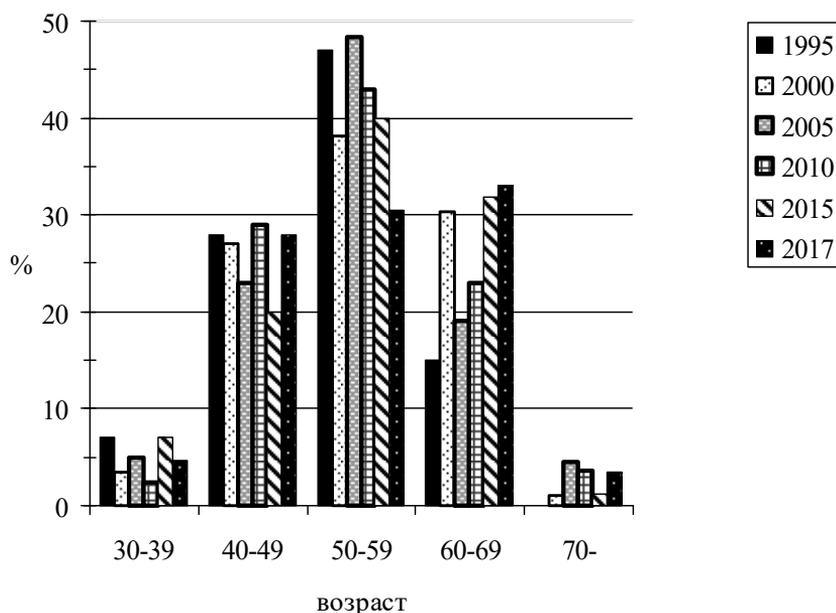

Рис. 2. Динамика возрастного состава глав исполнительной власти в субъектах РФ, 1995–2017 гг., %²

Вплоть до 2015 г. почти абсолютное большинство региональных лидеров находилось в зрелом возрасте, от 50 до 60 лет. Однако в этой категории с 2015 г. начинается стабильное сокращение их числа. В 2017 г. заметно увеличение числа пенсионеров (по сравнению с 1995 г. – с 15 до 33 %). С одной стороны, обратная динамика свидетельствует о том, что возраст региональных лидеров имел тенденцию к повышению. Возможно, приводило к этой тенденции «засиживание» на губернаторском кресле. Более трети руководителей субъектов Федерации «губернаторствовали» несколько сроков подряд. Некоторые больше 20 лет руководили регионами (губернаторы Белгород-

² Возраст определен как разница между годом рождения и годом назначения на высший пост.

ской и Кемеровской области). По итогам прошедших выборов в 2015–2017 гг. абсолютное большинство губернаторских кресел заняли действующие главы регионов. Число молодых руководителей на региональном уровне чрезвычайно низко и варьируется от 2,4 (в 2010 г.) до 7 % (в 1995 и 2015 гг.).

Для отечественной политической культуры в период стабильности характерно старение элиты, это подтверждается исследованиями «возрастного ценза» кремлевских вождей [2, с. 38]. Возникает вопрос: так ли важен возраст руководителя, влияет ли он на качество выполняемой им работы? Как нам представляется, возрастные характеристики политической элиты могут объяснить скорее не ее качество, а политико-идеологическую направленность власти, стиль руководства. Время молодости и профессионального становления абсолютного большинства региональных руководителей 1995–2000 гг. пришлось на период хрущевской оттепели (родились в период 1935–1950 гг. – 61 %). Их можно отнести к шестидесятиникам, для которых близки ценности свободы и перемен.

Основная часть глав регионов 2005–2017 гг. родилась в период 1950–1965 гг. Их карьерный рост начался в брежневские годы: во времена всеобщего бюрократизма, силовых структур, номенклатурных привилегий. Ценности, привитые в молодости, наиболее прочные, отсюда стоит предположить, что часть руководителей этого периода более ценили аппаратную стабильность, нежели инициативность в работе.

Образование. Региональные лидеры России имели высокий образовательный уровень (для исследования было выбрано первое полученное высшее образование). Популярность в советское время технического образования отразилось на результатах нашего исследования. В возрастной группе от 50 и выше (наиболее многочисленной) чаще встречаются такие специалисты. Как видим, на рис. 3 заметно явное доминирование именно инженеров-губернаторов (в 1995 г. – 73 %), но при этом наблюдается тенденция на сокращение их числа. За 24 года количество «инженеров» убавилось почти вдвое (в 2017 г. – 39 %). Такая динамика закономерна, учитывая появление запроса на новых специалистов. Рост престижа экономического и юридического образования сказался на увеличении втрое за эти годы юристов и экономистов среди глав регионов. Причем стоит заметить, что в эту группу вошли только молодые губернаторы, для которых это первое высшее образование, так как многие из тех, которых мы отнесли к другим категориям, согласно духу времени, подкрепили свой профессионализм вторым (или третьим) высшим юридическим или экономическим образованием. Многие предпочитают получать управленческую специальность (государственное и муниципальное управление), возможно, в период карьерного роста к этому их подталкивали квалификационные требования к должности. Среди губернаторов наблюдался рост числа гуманитариев – в 1,6 раз (социологов, психологов и др.), а гуманитариев вместе с юристами и экономистами – в 2,6 раз. Встречаются среди глав регионов представители военной профессии. Рост числа военных начался в 2000 г. (с 3 до 9 %). В годы президентства Д. А. Медведева наблюдалось небольшое снижение их числа (в 2010 г. – 5,9 %).

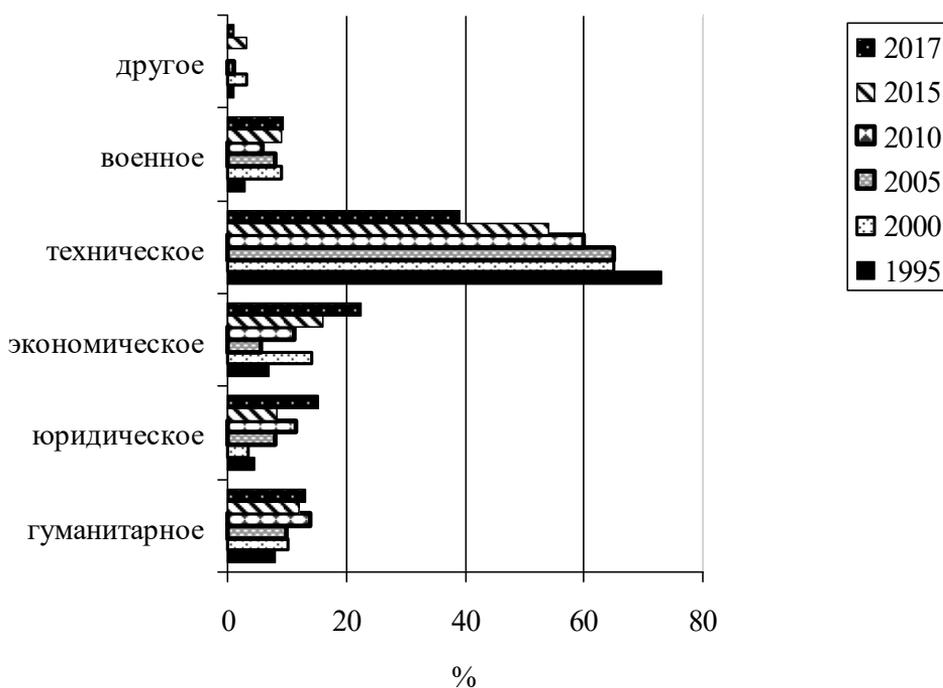

Рис. 3. Динамика вида образования у глав исполнительной власти в субъектах РФ, 1995–2017 гг., %

На протяжении всех рассматриваемых лет почти половина высших должностных лиц субъектов Федерации имела ученую степень. Согласно рис. 4 в 1995 г. большая часть из глав регионов имела степень кандидата наук, а в последующие годы число докторов и кандидатов наук стало приблизительно одинаковым. Доля людей с ученой степенью увеличилась вдвое (с 21 до 45 %).

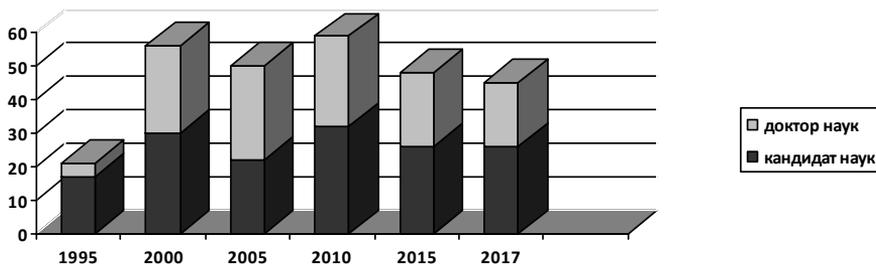

Рис. 4. Наличие ученой степени у глав исполнительной власти в субъектах РФ, %

Кроме профессионального образования, значительная часть российских региональных элит имеет «партийное» образование. В данном случае подразумевается их обучение в советское время в Институте общественных наук при ЦК КПСС и других подобных образовательных учреждениях. Закономерно, что по этому показателю наблюдается стойкая убыль. Если до 2015 г.

почти треть глав регионов имели подобные факты в своих биографиях, то в 2017 г. таковых 12 человек (14 %).

Род занятий. Род занятий определяет профессиональный статус человека. При проведении анализа возникли трудности со структуризацией полученного материала. Во-первых, потому что у российских руководителей в субъектах РФ достаточно обширный послужной список (рис. 5) и в течение трудовой деятельности многие меняли свои занятия. Поэтому при сборе данных мы ориентировались на два показателя: количественный и качественный. Выбирали наиболее длительный период деятельности и тот, который в итоге повлиял на дальнейший карьерный рост изучаемых персон. Во-вторых, для нашего исследования определен длительный временной срез. Понятно, что в группе исследуемых – представители разных поколений, имеющие неодинаковые ценностные установки [1, с. 31]. Это влияет на результаты исследования. В-третьих, для выявления механизма рекрутирования элиты важен не только основной род занятий в течение жизни, но и сфера деятельности, которая имеет место накануне попадания в элиту. Исходя из этих соображений, мы проанализировали оба показателя.

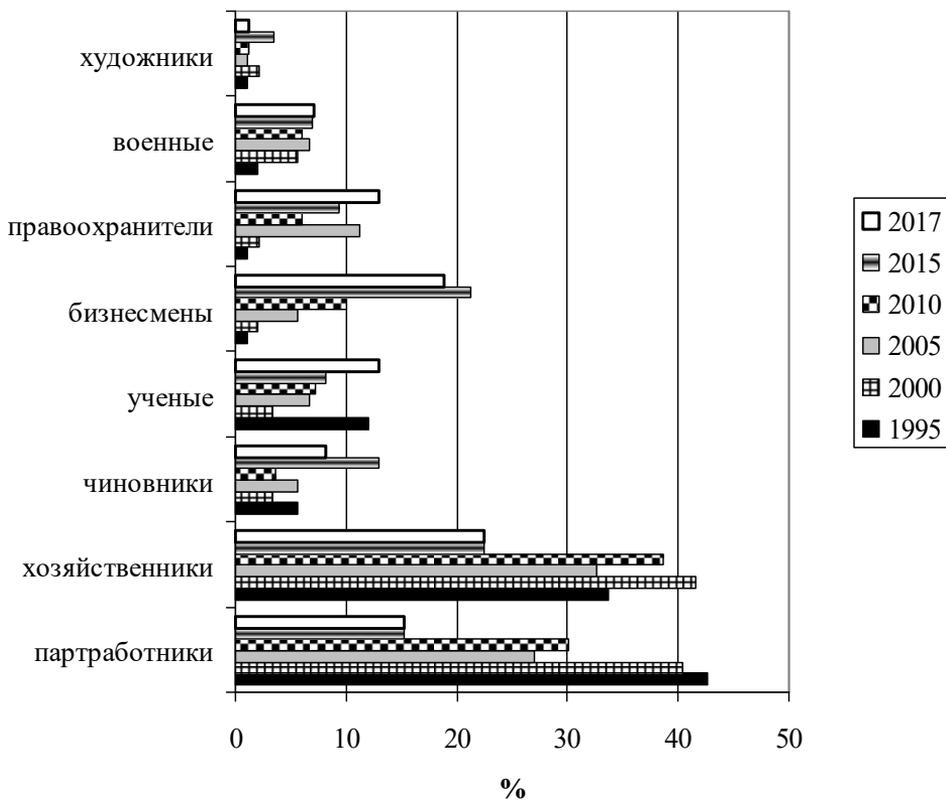

Рис. 5. Род занятий глав исполнительной власти в субъектах РФ, %

Основная профессиональная сфера деятельности. По роду занятий нами было выделено несколько групп:

1. *«Партработники»*. Те, кто основную часть жизни проработал в структурах КПСС. Сюда вошли как лица с успешной «партийной биографией», так и те, чей партийный рост остановился в годы перестройки и развала КПСС. В итоге кто-то из них отрекся от коммунистического прошлого, а кто-то в 1990-е примкнул к левому флангу (например, губернатор Белгородской области Е. С. Савченко).

2. *«Хозяйственники»*. Работники промышленного и сельскохозяйственного сектора, в основном в советское время. Как правило, они начинали с мастеров на заводе или агрономов в колхозе, а потом вырастали до главных инженеров или руководителей этих предприятий (например, бывший губернатор Свердловской области Э. Россель).

3. *«Чиновники»*. Имеют богатый опыт административно-управленческой деятельности. Работали в органах исполнительной власти от муниципального до федерального уровня в советское и постсоветское время (например, бывший губернатор Иркутской области Б. А. Говорин).

4. *«Ученые»*. К ним были отнесены представители научной интеллигенции, преподаватели вузов, директора школ, работники НИИ (представители: бывшие губернаторы Самарской и Нижегородской области К. А. Титов и Б. Е. Немцов).

5. *«Бизнесмены»*. Можно выделить три группы в этой категории: а) те, кто в конце 1980-х гг. на волне перестройки был вовлечен в коммерческую деятельность, а впоследствии на этапе приватизации разбогател и пополнил ряды российской олигархической группы; б) находился к моменту распада СССР на руководящих должностях в каком-нибудь промышленном предприятии, а в 1990-е гг. продолжил управлять им уже в рыночных условиях; в) представители более молодого поколения, не имеющие советского трудового прошлого, но сумевшие в результате влияния разных факторов (социальное происхождение и т. д.) приобщиться к доходному бизнесу.

6. *«Правоохранители»*. Работники прокуратуры, сотрудники спецслужб и органов внутренних дел, адвокаты и т. д.

7. *«Военные»* (профессиональные). Были задействованы в действующей армии, участники локальных конфликтов.

8. *«Художники»*. Это маргинальная группа. Так как к ней мы отнесли представителей профессий, которые редко встречаются в сфере политико-административной элиты (например, журналисты).

Обратимся к данным рис. 4. Губернаторский корпус отличается небольшим числом каналов рекрутирования. Лидируют в нем представители публичных профессий (партийные и государственные деятели) или хозяйственники. Однако все выделенные нами категории имеют неодинаковый вес в разные временные срезы. Сферы деятельности, которые стали определяющими в жизни глав регионов 1995 и 2000 гг.: работа в органах КПСС (43 и 40 %), промышленный и сельскохозяйственный сектор (34 и 42 %). Третья позиция в эти годы уже неодинакова: если в 1995 г. это место занимала группа «ученые» (12,4 %), то в 2000 г. их потеснили «военные» (5,6 %). Число представителей бизнеса и «правоохранителей» было минимально.

В 2005 г. начинается резкое сокращение в составе глав регионов бывших партийных работников (27 %), число «хозяйственников» сохраняется на прежнем уровне (33 %), а вот увеличиваются доли силовиков («правоохранителей» – 11,2 %, «военных» – 6,7 %) и бизнесменов (5,6 %). Рост «бизнесменов» прослеживается в среде возрастной когорты «молодежь». В 2010 г. наблюдается сокращение числа «правоохранителей» в 2 раза (6 %) и увеличение «бизнесменов». В целом на этапе 2005–2010 гг. в среде глав региональной исполнительной власти по выбранным показателям существенной смены элит не происходило. По крайней мере треть из них были бывшие партийные функционеры и треть «хозяйственники» советской эпохи.

На отрезке 2015–2017 гг. увеличивается рост числа «бизнесменов» (21 и 19 %), доля силовиков сохраняется почти на том же уровне (9,4 и 13 %). Следовательно, скорость вхождения во власть «бизнесменов» значительно превосходит аналогичные показатели у «военных» и «правоохранителей». Отсюда выводы о преувеличении роли силовиков в региональной элите в отечественных исследованиях по-прежнему актуальны [7, с. 8–9].

К качественно новым показателям в этот временной срез следует отнести рост бывших «чиновников» (по сравнению с 1995 г. – в 2 раза, с 2010 г. – в 3 раза). В 2017 г. начался рост в губернаторской элите группы «ученые» (13 %). Их показатель приблизился к значению 1995 г. Серьезной трансформации подверглась категория «парработники» (в 2017 г. – 15 %). На современном этапе произошло их сокращение, по сравнению с 1995 г., почти в 3 раза, по сравнению с 2010 г., в 2 раза.

Таким образом, по объективным причинам (смена поколения, переход к рыночной экономике) в России появляется новый тип губернатора. Он начинает свою карьеру на государственной и муниципальной службе, пробует себя в качестве предпринимателя или ученого.

Профессиональная деятельность накануне занятия должности главы исполнительной власти субъекта Федерации. Предшествующий род деятельности для глав регионов следует считать основным каналом рекрутирования. Нами было выделено несколько сфер деятельности. Как показывают данные табл. 1, коммерческая деятельность постепенно становится одним из каналов рекрутирования российских губернаторов (в 1995 – 7 %, в 2017 г. – 15,4 %). Бывших бизнесменов политические партии готовы поддерживать в предвыборной борьбе, так как они обладают немалыми связями и материальными ресурсами. Поэтому активное включение бизнесменов в различные органы власти можно рассматривать как закономерность современной России, то же можно сказать и о силовиках (2 % в 1995 г. и 13 % в 2017 г.).

В начале выбранного нами временного среза основным «трамплином» для глав регионов стала политическая деятельность в органах законодательной власти всех уровней (в 1995 г. – 53 %). Надо отметить, что это норма для демократического федеративного государства, так как характеризует политическую элиту как открытую и конкурентную. В дальнейшем этот показатель стал сокращаться, до 2005 г. незначительно, а вот с 2010 г. убыль «законодателей» более заметна (в 2017 г. – 29,4 %).

Таблица 1

Сфера деятельности губернаторов Российской Федерации накануне занятия должности, %

Профессиональная деятельность	1995 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2015 г.		2017 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Бизнес	7	8	9	10	14	16	11	13,2	7	8,2	13	15,2
Муниципальная и государственная служба	16	17	31	35	27	30	39	47	45	53	42	49,4
Образование, наука	7	8	0	0	0	0	2	2,4	3	3,4	0	0
Правоохранительные органы	0	0	0	0	2	2	0	0	1	1,2	1	1,2
Военная служба	0	0	4	5	4	5	2	2,4	1	1,2	2	2,4
Промышленность, сельское хозяйство	12	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Политическая деятельность	47	53	43	48	42	47	29	35	28	33	25	29,4
Прочее	0	0	2	2	0	0	0	0	0	0	2	2,4
Итого	89		89		89		83		85		85	

Со временем основным каналом рекрутирования губернаторского корпуса стала служба в органах исполнительной власти. Это не рядовые чиновники, а те, кто занимает государственные должности в Правительстве РФ, высшие должные лица в муниципальных образованиях или государственные гражданские служащие, замещающие должности в администрации Президента, аппарате Правительства. Так, на 2017 г. их доля составила 49 % (21 % из федеральной исполнительной власти, остальные из региональной и муниципальной), т. е. подавляющее большинство из тех, кто в последние годы стал руководителем региона, а значит победил на выборах, до этого был не известным публичным политиком, а работником государственного аппарата. Понятно, почему для выдвижения кандидатуры губернатора предшествующий опыт работы в государственных структурах является ключевым: с ними федеральной власти проще договориться, так как они, как показывают результаты последних избирательных кампаний, представители той же «вертикали власти».

Отсюда можно сделать выводы относительно механизма рекрутирования региональной элиты. Во-первых, выявленный механизм рекрутации снижает роль процедуры выборов. Формирование резерва происходит до выборов и население в этом не участвует. В президентский кадровый резерв входят возможные кандидатуры и для региональной власти. Система рекрутирования приобрела сходство с системой гильдий советского образца, т. е. она стала закрытой, привилегированной, но теперь без идеологических ориентиров. В-третьих, влияние парламента на политическую систему, судя по снижению роли Федерального Собрания как канала рекрутирования элиты, снизилось. А это значит, что если и существует какая-то конкуренция в борьбе за пост губернатора, то не в сфере публичной политики, а внутри государственного аппарата. В-четвертых, такая тенденция может негативно сказаться на качестве региональной власти, так как для руководителя региона первостепенными будут интересы тех, кто его выдвинул и поддержал во время избирательной кампании. Он останется человеком административной системы, а не народным избранником.

Партийная принадлежность. В советское время одним из самых важных каналов рекрутирования политической элиты, в том числе и региональной, было членство в КПСС³. Стоит отметить, что членство в политической партии – это вполне традиционный критерий элитообразования в демократической системе. Так, губернаторы в США именно через партийное членство получают возможность стать частью высшей политической элиты страны в жесткой конкурентной борьбе. Это является показателем эффективности партийной системы, указывает на высокую роль подобных организаций в политической системе. Однако в Советском Союзе КПСС была неформальной частью государственного аппарата, и именно в этом качестве она служила каналом рекрутирования элиты. После распада СССР партийная принадлежность как критерий отбора в элиту не имела такого значения вплоть до конца XX в. По данным нашего исследования, в 2000 г. большинство глав регионов являлись беспартийными (59 %). Причем почти треть из 41 % руководителей, включенных в партийную деятельность, являлись членами КПРФ, оппозиционной по своему характеру (табл. 2).

Таблица 2

Партийная принадлежность глав исполнительной власти в субъектах РФ
(декабрь 2000 г. – июнь 2017 г., в % от общего состава)

Годы	Беспартийные	КПРФ	Единство	Единая Россия	ОВР	НДР	Другие партии
Декабрь 2000 г.	59	15	5,5	–	5,5	8	7
Июнь 2017 г.	6	3	–	91	–	–	–

Теперь обратимся к данным 2017 г. Основная часть губернаторов на сегодняшний день состоит в политических партиях и, казалось бы, этот факт должен свидетельствовать об эффективности партийной системы. Однако 91 % от общего состава глав регионов 2017 г. имеют членство в политической партии «Единая Россия». Исключение – губернаторы Орловской и Иркутской области В. В. Потомский и С. Г. Левченко (члены КПРФ) и член ЛДПР – губернатор Смоленской области А. В. Островский. В пяти субъектах Федерации руководят беспартийные губернаторы. Они участвовали на выборах как самовыдвиженцы, но при этом побеждали при поддержке «Единой России». А это, несомненно, сказывается на итогах голосования. Конечно, эффективность лидера зависит не от партийной принадлежности, а от его профессионализма, который складывается из нескольких составляющих: имеющийся опыт, наличие знаний, коммуникативные и организаторские способности. С этим, возможно, связана и парадоксальность многих опросов и результатов голосований: когда в социологических исследованиях демонстрируется широкий протестный потенциал, а при голосовании люди отдают предпочтение опытным хозяйственникам [16, с. 7]. Другое дело, что по результатам исследования можно сделать вывод о появлении за последние годы важнейшего критерия в отборе элит на уровне регионов: членство в пар-

³ Данные о членстве в КПСС публикуются избирательно, поэтому этот признак в нашу выборку не вошел.

тии «Единая Россия» или наличие ее поддержки, желателен вхождение губернатора в Высший совет этой организации. Все это может способствовать скорейшему попаданию политика в губернаторское кресло и его долголетию как руководителя региона.

Итак, при анализе динамики изменений в составе глав исполнительной власти в субъектах РФ нами выделено три периода и, соответственно, три группы лидеров регионов:

1. *«Избранные» составы 1995 и 2000 гг.* Лидировал следующий тип губернатора: мужчина в возрасте от 50 до 60 лет (зрелого возраста), родом из сельской местности. Поколение шестидесятников. Имеет высшее техническое образование. По роду занятий «парработник» или «хозяйственник», который впоследствии активно включается в публичную политику и становится депутатом чаще регионального или федерального уровня. Беспартийный. Важные каналы рекрутирования – доступ к власти в советском прошлом, руководящие должности в промышленном секторе и, как следствие, управленческий опыт, длительная публичная деятельность, известность.

2. *«Назначенные» составы 2005 и 2010 гг.* Доминировал тот же тип, за исключением ряда особенностей. Это уже поколение «золотого века Брежневца». У него есть ученая степень (в основном гуманитарной направленности). Имеет богатый опыт в коммерции. Член политической партии «Единая Россия». К каналам рекрутирования добавляются членство в партии «Единая Россия», финансовые ресурсы.

3. *«Избранные» составы 2015 и 2017 гг.* Усредненный портрет современного главы региона таков: мужчина в возрасте от 55 до 70 лет (в основном «пенсия»), родился в городе того региона, который в итоге возглавил. По-прежнему он из поколения 1970-х гг. и имеет высшее техническое образование (реже экономическое или юридическое). За плечами защита кандидатской или докторской диссертации (как правило, уже в зрелые годы). По профессиональному статусу он теперь «хозяйственник» или «бизнесмен». В публичной политике практически не задействован, в основном со временем переходит на работу в государственный аппарат, замещает высокий государственный пост перед тем, как занять пост главы региона. Член «Единой России». Критерии попадания в элиту: членство в партии власти, занятие должности в административном аппарате, а, значит, близость к Кремлю и налаженные связи, финансовые ресурсы, опыт административной работы.

В заключение отметим, что имеются различия в каналах рекрутирования глав исполнительной власти в субъектах РФ в разные годы, наблюдается некоторая динамика в возрастном составе, образовательном уровне (рост гуманитариев) и профессиональном статусе (увеличение доли «бизнесменов»). Однако современного регионального руководителя на сегодняшний день можно сравнить с номенклатурным работником брежневского периода, поскольку он в первую очередь исполнитель, а не публичный политик. Нынешний круг селектората сводится к «кремлевской группировке», именно она в целом и проводит рекрутинг на пост губернатора. Отсюда и необходимость в создании кадрового резерва. Это похоже на ротацию в однопартийном режиме. Поэтому современный «всемирно избранный губернатор» остается, по сути, чиновником. В благоприятной социально-экономической

ситуации такой лидер вполне дееспособен, но в условиях нестабильности, при наличии внутренних и внешних угроз показатели его эффективности могут снижаться. К подобным выводам приходят ученые при изучении в целом политической элиты России [15, с. 39]. Качественной смены элит за 23 года на примере российского губернатора не произошло. Следовательно, наши регионы в условиях быстро меняющегося социума по-прежнему нуждаются в руководителях, способных гибко реагировать на запросы общества.

Список литературы

1. *Беляева Л. А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31–42.
2. *Вишневецкий А.* Высшая элита РКП(б) – ВКП(б) – КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России. 1997. № 4. С. 38–44.
3. Властные структуры и группы доминирования : материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Санкт-Петербург, 29–31 окт. 2011 г. / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Междунар. фонд поддержки социогуманит. исслед. и образоват. программ, 2012. 520 с.
4. *Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.
5. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : Интеллект, 1998. 416 с.
6. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
7. *Гаман-Голутвина О. В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.
8. *Гаман-Голутвина О. В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 67–74.
9. Кто есть кто в России. Исполнительная власть / под редакцией К. А. Щеголева. М. : Издат. группа АСТ, 2014. 736 с.
10. *Криворученко В. К.* Элита: к вопросу о понятии Элита // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические исторические аспекты. Вып. 2 : сб. науч. ст. М. : Изд. Нац. ин-та бизнеса, 2012. С. 23–50.
11. *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 216 с.
12. Федеральная и региональная элита России, 2005–2006. Кто есть кто в политике и экономике: биографический справочник / под ред. А. А. Мухина. М. : Центр полит. информ., 2006. 800 с.
13. *Слепцов Н. С., Куколев И. В., Рыскова Т. М.* Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 118–128.
14. *Тощенко Ж. Т.* Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.
15. *Шестопал Е. Б.* Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 35–43.
16. *Шестопал Е. Б.* Психологические особенности российских политических элит и рядовых граждан // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 5–15.

References

1. Belyayeva L.A. Socialnyj portret vozrastnyh kogort v postsovetsoj Rossii [Social portrayal of age cohorts in post-soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004, no. 10, pp. 31-42. (in Russian)
2. Vishnevskiy A. Vysshaja jelita RKP(b) – VKP(b) – KPSS (1917-1989): nemnogo statistiki [Top elite of RKP(b) – VKP(b) – CPSU (1917-1989): a little of statistics]. *Mir Rossii* (World of Russia)], 1997, no. 4, pp. 38-44. (in Russian)

3. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Government bodies and domination groups]. Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological problems of the power institutions in the context of transformations in Russia”. Ed. by Duka A.V. St. Petersburg, Intersocis Publ., 2012, 520 p. (in Russian)
4. Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshchanovskaya O.V. Rossijskij istjeblishment: puti i metody obnovlenija [Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis. Political Studies*, 2011, no. 1, pp. 66-79. (in Russian)
5. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie jelity Rossii: Vehi istoricheskoy jevoljucii* [Political elite of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow, Intelligence Publ., 1998, 416 p. (in Russian)
6. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie jelity kak ob"ekt issledovanij v otechestvennoj politicheskoj nauke [Political elites as an object of research in national political science]. *Political science*, 2016, no. 2, pp. 38-73. (in Russian)
7. Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye jelity Rossii: personalnyj sostav i tendencii jevoljucii (1) [Russia' Regional Elites: Whom They Consist of, and What Are the Tendencies of Their Evolution (1)]. *Polis. Political Studies*, 2004, no. 2, pp. 6–19. (in Russian)
8. Gaman-Golutvina O.V. Rossijskij parlamentarizm v istoricheskoy retrospektive i sravnitelnoj perspektive (2) [Russian Parliamentarism in Historical Retrospection and in Comparative Perspective (2)]. *Polis. Political Studies*, 2006, no. 3, pp. 67-74. (in Russian)
9. *Kto est kto v Rossii. Iсполнителная vlast* [Who's who in Russia. Executive branch]. Ed. By Shhegolev K.A. Moscow, AST Publ., 2014, 736 p.(in Russian)
10. Krivoruchenko V.K. Jelita: k voprosu o ponjatii Jelita [Elite: understanding Elite]. *Jelita Rossii v proshlom i nastojashhem: socialno-psihologicheskie istoricheskie aspekty* [Elite Russia in the past and the present: socio-psychological and historical aspects]. Collection of scientific articles. Moscow, National Institute of Business Publ., 2012, iss. 2, pp. 23–50.(in Russian)
11. Kryshchanovskaya O.V. *Anatomija rossijskoj jelity* [Anatomy of Russian Elite]. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 216 p. (in Russian)
12. *Federalnaja i regionalnaja jelita Rossii, 2005–2006. Kto est kto v politike i jekonomike* [Federal and regional elite of Russia, 2005-2006. Who's Who in Politics and Economics]. Biographical Guide. Ed. by Mukhin A.A. Moscow, Center for Political Information Publ., 2006, 800 p. (in Russian)
13. Sleptsov N.S, Kukolev I.V, Ryskova T.M. Lidery rossijskih regionov: ispytanie plebiscitom [Leaders of Russia's regions: a trial by plebiscite]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1998, no. 7, pp. 118-128. (in Russian)
14. Toshchenko Zh.T. Jelita? Klany? Kasty? Kliki? Kak nazvat teh, kto pravit nami? [Elite? Clans? Castes? Cliques? Terming those, who rule us]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1999, no. 11, pp. 123-133. (in Russian)
15. Shestopal Ye.B. Jelity i obshhestvo kak politicheskie aktory postsovetsoj Rossii [Elites and Society as Political Actors in Post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 5, pp. 35-43. (in Russian)
16. Shestopal Ye.B. Psihologicheskie osobennosti rossijskih politicheskikh jelit i rjadovykh grazhdan [Psychological Characteristics of Russian political Elites and ordinary Citizens]. *Political expertise: POLITEX*, 2015, no. 3, pp. 5-15. (in Russian)

Сведения об авторе

Меженина Ольга Владимировна
кандидат исторических наук, доцент,
научно-организационный
и редакционно-издательский отдел
Барнаульский юридический институт
Российская Федерация, 656038, г. Барнаул,
ул. Чкалова, 49
e-mail: MOW77@mail.ru
ORCID 0009-0002-9552-8790

Information about the author

Mezhenina Olga Vladimirovna
Candidate of Science (History), Associate
Professor, Research and Editorial and
Publishing Department
Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
49, Chkalov st., Barnaul, 656038,
Russian Federation
e-mail: MOW77@mail.ru
ORCID 0009-0002-9552-8790